

оказаться на его месте – чтобы за ним подглядывали так же, как и он. «Подсматривание» узаконивается СМИ как важный и нормальный способ жизни и общения. По сути, по Фуко^{iv}, узаконивается идеальный способ тотального всеобщего контроля: каждый следит за каждым.

Если Россия стремится стать цивилизованной страной, концепция СМИ в ней должна быть оценена и осмыслена. Не может быть цивилизованного общества в стране, в которой СМИ – официальный глас государства, личности и народа, проповедуют идеал «всеобщего потребления» (В.В. Пелевин охарактеризовал этот феномен как становление в России нового типа функционирования)^v, тотального контроля над умами, размывание нравственных ценностей. За этой «свободой» – навязывание определенных стереотипов мышления и определенного образа жизни – «одномерного человека», по Г. Маркузе^{vi}, «представление» его «образцов» общения. К сожалению, в настоящий момент Россия воспроизводит то, о чем предупреждали западные мыслители в середине *прошлого* века.

В-третьих, призванные связывать, объединять, учить *коммуницировать*, средства массовой коммуникации в России, скорее, разъединяют и ничего не связывают, поскольку нечего – нет разнородных элементов, нуждающихся в связке. Более того, многие программы транслируют образцы не поддерживающего поведения, задающие модель «выживания» в общении («Последний герой»), навязывают образцы ненормального «нормального» поведения, чувствования и общения конкурентных стратегий американцев середины прошлого века.

Мир изменился, на смену разделению идет объединение и осознание единства человечества, почему же средства, могущие играть в этом гуманном процессе ведущую роль, предпочитают этой сложной и достойной задаче отыгрывать «чужие» сценарии прошлой эпохи?

ⁱ Bell D. The cultural contradiction of Capitalism. – N.Y., 1976. – P. 146-158

ⁱⁱ Нэзбит Дж. Мегатенденция: десять новых направлений, преобразующих наши жизни. Нью-Йорк, 1982. – С. 36

ⁱⁱⁱ см. Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1988

^{iv} Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994. – С. 81-110.

^v Пелевин В.В. Чапаев и пустота. – М., 1996

^{vi} Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994

РАДИЧ Г.С.
ГАН О.И.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ.

Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий,
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?
В. Брюсов.

Проблемы взаимодействия России и стран Западной Европы волнуют общественное сознание россиян со времен Петра Великого. Особую актуальность они приобрели в современности, во времена всеобщей глобализации. Во многом процессам интеграции России и западного мира мешают стереотипы, укоренившиеся в массовом сознании. Запад пугает непредсказуемость русских – «загадочность души», склонность к максимализму. С другой стороны, россияне «глядясь в зеркало европейской цивилизации» продолжают уверять себя в своем особом предназначении и небуржуазной ментальности.

Новое время, как исторический период для анализа взаимодействия Западной Европы и России выбран неслучайно. Основное содержание периода — переход от традиционного общества к индустриальному, ломка традиционных устоев во всех сферах жизнедеятельности человека. Трудности этого затянувшегося процесса для России поставили

вопрос о скрытых механизмах, определяющих поведение как отдельного человека, так и целых социальных групп; русском генотипе и русской ментальности. В вековой дискуссии о Европе и России основные позиции сводятся к двум тезисам: различия в культурно-историческом развитии Европы и России исходят из: 1) идеи самобытности России или 2) ее отставания от Европы. При этом в русской историографии очень сильна традиция сопоставлять себя с Европой. В западной же науке напротив тенденция соотносить Россию с Востоком, а значит, отделять ее от Европы.

Попробуем разобраться лишь в нескольких аспектах проблемы. Во-первых, то, что разъединяет русских и европейцев — национальный характер. Ментальность, особенности психологии. Различия начинаются с восприятия времени и истории. Западные психологи выделяют 4 типа людей в зависимости от склонности ориентироваться на прошлое, будущее, текущий момент или оптимизирующий расчет — ностальгический, футуристический, конъюнктурный и аналитический типы поведения. На Западе превалирует конъюнктурный и аналитический варианты, а в России — ностальгический и особенно футуристический. Отсюда и разное отношение к решению проблем.

Психолог и психиатр Карл-Густав Юнг размышляя, над стереотипами мышления и поведения человека, Запада обратил внимание на три фундаментальных положения:

1. Запад занят «внешним», предметно-материальным миром, в отличие от внутреннего, духовного, собственного Востоку.

2. Европейец не может воспринимать мир сердцем, он делает ставку на интеллект, поэтому «с легкостью» недооценивает все, что ему незнакомо, непонятно.

3. В западном образе мышления «природа» рассматривается как исток предметного (атомизированного) мышления и постижения мира. Западная наука это, по сути дела, наука о материи.

Итак, западный дух — рационалистический дух. Он никак не озабочен ни предыдущими, ни последующими жизнями. Он ищет феномен «спасения» в высших силах, но не в душе, не в самоуглублении. Юнг констатирует наличие у Запада «иллюзий всевластия» благодаря его могучей технике и отсутствию ясного понимания «собственной неполноценности». Действительно Адам Смит. Провозгласив еще в 18 веке, что забота каждого из товаропроизводителей о собственном служит основанием блага их всех и потому конкуренция между ними, в конечном счете, идет во всеобщую пользу, не предполагал, что на основе технологических переворотов современные производители создадут такую мощь, которая ставит под угрозу судьбу всего человечества.

Конечно Россия не Восток. Но абсолютное большинство историков и философов выделяют в России духовность, понимая ее в том же смысле, что и Юнг, т.е. духовность как часть восточного образа мышления. Россияне разделяют христианский взгляд на мир, но в отличие от католической Европы в более близкой к Востоку форме, форме православия. К примеру, в средневековой западноевропейской культуре сложилась трехчасная модель потустороннего мира — ад, чистилище и рай, дающая надежду на спасение. Православие же не знает золотой середины чистилища, ад и рай — два полюса посмертного бытия, мрачная перспектива для простого смертного. Видимо, сам выбор веры нашими предками отражал особенности сознания и мышления.

Поразительным проявлением отсутствия прагматизма является великоросский «авось» и русская «бессребренность». О последней черте характера заговорили, понимая ее как отсутствие привязанности к частной собственности, чрезвычайно затрудняющей переход России к рыночной экономике. Действительно, если в Западной Европе процесс закрепления земель в частную собственность в основном завершился к концу 11 века, то в России он всерьез встал только после отмены крепостного права в 1861 году. Огромные земельные пространства, подзолистые, малоплодородные почвы в совокупности с суровым климатом предопределили приоритет общинного уклада жизни, малоэффективных технологий (до 17 века сохранялась подсеčno-огневая система земледелия) и своеобразной системе выживаемости. В таких условиях сформировался стереотип экономического поведения

великоросса: экстенсивность, неуважение к собственности и прежде всего -государственной; правомерность мздоимства на государственной службе, неуважение к закону; склонность к утопическому мышлению. Сформировавшееся в условиях непредсказуемой природы, великоросский «авось» дополнил картину: неприязнь к точным расчетам, действиям по графикам и программам, строгой деловой организации. Эта «небуржуазность» стала важнейшей чертой истории, экономики, политики, характера. Здесь и российская удаль, ширь, нелюбовь к мелочности, скопидомству. Это – отсутствие сравнительно с Западом презираемого мещанства; легкость, неприхотливость. И в тоже время - бесхозяйственность, нежелание и неумение считать, рассчитывать, очень часто героизм, вместо нормально, скучной повседневности, легкий переход от бунта к рабству, произвол, недостаток правового сознания. Поэтому в обстановке хронической нестабильности формируется традиция сверхцентрализации, централизованной дисциплины, подчинения государству. А она имеет тенденцию перерастать в государственление всех сторон и жизни и тоталитаризм. Традиция духовности в этих условиях перерастает в государственную религию либо идеологию. А способность к долготерпению дает этим тенденциям накапливаться вплоть до взрыва (мятежа). Хроническая социально-психологическая неустойчивость русского общества проявляется в колебаниях между сверхгосударственностью и анархией; религиозностью и атеизмом; сердобольностью и насилием; рабством и вольностью. Современные психологи объясняют это ярко выраженной эпилептоидной компонентой русского гено типа, определяющей особую гиперболизацию отдельных черт характера до такой степени, что они начинают отрицательно влиять на поведение человека и особый способ мышления по принципу «за» – «против», «белое» – «черное», «построить» – «разрушить» и пр.

Устойчивость западноевропейского общественного сознания, по их мнению в синтезе трех слагаемых: «христианского принципа любви», «греческого принципа Разума», и «теории общественного договора». Несмотря на рационализм, общество ориентированно на христианские ценности. Определяемая христианством общественная мораль касается не только личных отношений людей, но и деловой жизни. Протестантизм освободил людей от давления религии в практической жизни. «Античное наследие» позволило постепенно шаг за шагом выстроить отношения между властью и народом, способствуя формированию гражданского общества и правового государства. В общественном сознании установилось убеждение в необходимости постоянного развития, прогресса, движения вперед. Конечно, европейская история также далека от идиллии. Однако, даже революции, взрывающие ход истории не бросали общество из крайности в крайность, а вели к утверждению политических идеалов: от Великой Хартии Вольностей 1215 года через Великую английскую и французскую революции, давшие миру экономический и социальный идеал развития к утверждению во второй половине 19 века парламентских систем власти.

Интересно, что Россия, являясь духовной наследницей Византии, также могла использовать «античное наследие». Однако, характер усвоения его в отличие от Западной Европы был иным, как бы «из вторых рук». Как и в Европе, в России процесс приобщения к византийской (а вместе с ней и к античной) культуре имел несколько периодов. Первый из них 11-12 века характеризуется как период подъема, появление «новой культурной атмосферы», неортодоксальной мысли в Византии. Западная Европа испытывает влияние Византии, особенно Италия, знакомится с оригиналами произведений Платона, Аристотеля. В России же переводная литература и в это время и более поздние века была сориентирована наанневизантийскую, «официальную», каноническую, несущую в основном идеи морали, религиозной мистики, враждебность «латинству». Это вело к невосприимчивости гуманистических и политических идеалов Античности, склонности к психоанализу.

Другой источник влияния на формирование основ обеих цивилизаций – Восток. Но и здесь различные итоги. Западная Европа испытывала влияние утонченной культуры Востока,

в основном через арабов, взяв оттуда естествознание и философию. А Русь – дикого Востока. Хотя завоевание монголов на территории Руси не привело к искоренению христианства, основ народной культуры. Оно сказалось на уровне менталитета, усилив «азиатское» мироощущение, проявляющиеся в слабо выраженном личностном сознании и «государствлении» индивида. Как видим, отличия русского* и европейца сводятся к следующему:

- личность – несuverенный, сервильный человек;
- демократия –пристрастие к сильной власти;
- приоритет частной собственности – «бессребреник»;
- прагматизм мышления – склонность к иллюзиям;

Однако при всей массе доказательств отличий европейцев и россиян, думается надо иметь в виду, что, во-первых, вряд ли они определяют характер народа в целом; во-вторых, вряд ли ментальность народа остается в неизменном виде в течение столетий. Так, само понятие России вызывает сложность у аналитиков. Основы национального характера, генотипа складываются в «медвежьем углу» Великой Русской равнины между 13 и 16 веками. Однако в 18-20 веках это Российская империя. Поэтому механически переносить характеристики периода Киевской или Московской Руси на современное общество, недопустимо. Более разумным представляется осмысление России через концепцию цивилизационной неоднородности. Исходная идея в том, что Россия расположена между мощными центрами цивилизаций Востока и Запада в зоне, где постоянно сохраняется напряжение, проявляющееся в бесконечных конфликтах. Имея прочную и сильную государственность, она способна гасить эти конфликты, создавая тем самым благоприятные условия для жизни и развития этносов, волей судеб населяющих пограничные земли. Поэтому Россия после 18 века должна рассматриваться как особый конгломерат народов, относящихся по типам к разным цивилизациям, объединенным мощным всероссийским ядром. Таким образом, реально часть территорий (Польша, Финляндия, Прибалтика, отчасти Кавказ) развивалась в русле западноевропейской цивилизации, часть (Средняя Азия) - в русле восточных традиционных цивилизаций, а центр - в своеобразной форме «почвеннической» цивилизации. При известных характеристиках Запада и Востока, особенности России, как цивилизации, не могут быть поняты через концепцию А. Ахиезера «промежуточной цивилизации». Ибо она обладает особым тройным своеобразием. К особенностям почвеннического типа цивилизации можно отнести с одной стороны, наличие коллективных форм собственности, а с другой слоя свободных крестьян-общинников (Север, Сибирь). Наличие мощной крестьянской общины (замкнутой социальной организации), но не носящей деспотического характера, как на Востоке. Критическое отношение к торговле и предпринимательству, как недостойному занятию. Господства в общественном сознании людей народопрательства, соборности, православного понимания справедливости и гармоничности мира. До середины 17 века с этим типом жизни была связана основная часть населения. В целом, это уклад традиционного полувосточного типа государства с достаточно медленным ритмом развития. Однако он не создал свою богатую культуру (С. Саровский, С. Радонежский, И. Кронштадский, Н. Лесков...), но и был питательной почвой для блистательной русской культуры в целом.

Сложность понимания России заключается еще и том, что цивилизационные линии раскола делили не только территорию, но само общество по нескольким направлениям: народ и власть, интеллигенция и народ, сам народ на отдельные группы по системам ценностей. На большинство, отстаивающее традиционные уравниательные почвеннические ценности и меньшинство, склонное идти путем либерализации, предпринимательства, рынка. Сама интеллигенция, проповедуя ценности западноевропейской цивилизации, особенно в политической и культурной сферах, была далеко от народных масс. Раскол, начавшийся как

церковный, а затем, проявившийся во множестве форм, многие мыслители (Н. Бердяев, П. Сорокин и другие) считали основной особенностью российской цивилизации. Вероятно, именно это делало цивилизационное поле России очень хрупким. Не смотря на то, что империя была действительно унитарным государством, преодолеть в его рамках различия трех основных типов и создать единую культурно-цивилизационную базу оказалось невозможным. Это в свою очередь, привело к назреванию цивилизационного кризиса России, усиленного напряжением внутри каждого типа цивилизаций, что определило судьбу империи в начале 20 века. Возможно выбор принципиального нового социалистического пути развития, т.е. пути социального эксперимента был связан с попыткой преодоления кризиса цивилизации.

Сегодня Россия существует в иных географических рамках. Но сущность проблемы осталась. С одной стороны, подчиняясь логике мирового развития, осуществляя модернизацию общества, Россия должна мигрировать в сторону либеральных ценностей, т.е. примкнуть к западной цивилизации, решая извечный вопрос: Россия - Запад или Восток. Но с другой стороны, неожиданно процесс этот идет в очередной раз без видимого успеха. Вероятно, внутренняя культурно-цивилизационная основа («почва») все еще сохранена и обрекает Россию на поиск собственного пути. Но какого на этот раз? С другой стороны, сегодня видно, что глобальные процессы не привели к унификации и нивелировке национальных культур и смещению этносов. Напротив, они вызвали взрыв этнического чувства, стремление сохранить свою идентичность, своеобразие; сберечь то историко-культурное наследие, что досталось от предков. Это дает возможность россиянам, не отказываясь от глубинных национальных черт, воспринять необходимый опыт Запада. Опыт преодоления всевозможных «расколов» в русском обществе, его многонациональность и общность судьбы создали достаточную базу для формирования толерантности, как неременной составляющей нашего мышления, залогом успешного взаимодействия со странами всего мира.

СЫПАЧЕВА Т.А.

г. Пермь

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура современного российского общества приобретает определенную специфику в соответствии с социальными проблемами, возникшими в переломный период общественного развития. Новый виток развития России связан с поисками жизнеутверждающих ориентиров, с радикальной переоценкой ценностей. Это особенно ощутимо, когда речь идет о духовном обновлении общества, о выборе мировоззренческих позиций, выступающих в качестве цементующей основы. Но обновление духовности не может быть продуктивным без апелляции к ее корням.

Нам импонирует мысль Н.А. Бердяева о том, что «культура» производна от «культы», она непосредственно связана с культом предков, а значит с историей и традициями. Сама собой напрашивается параллель с идеей панслависта Н.Я. Данилевского, который предлагал добыть недостающую душу из русских национальных корней. Одним из них, несомненно, является русская религиозная философия.

Определение своеобразия русской религиозной философии и ее места в системе культуры предполагает необходимость соотнесения составляющих компонентов: «русская» и «религиозная». Возникает вопрос: «Почему не употребляются сочетания «немецкая религиозная» или «французская религиозная» философии?» Хотя и там были религиозно мыслящие философы и даже мистики... Скорей всего потому, что традиционно на уровне обыденного сознания (но, к сожалению, в настоящее время не только на уровне